

ЗАПАДНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, shabasovamarina@gmail.com*

В статье рассматривается история посещения Советского Союза иностранцами в 1920-е–1930-е гг. Приводится классификация иностранных визитеров. Особое внимание уделяется западным интеллектуалам, пользовавшимся репутацией «попутчиков» СССР. Автор приходит к выводу, что благожелательное отношение иностранцев было обусловлено не успехами советской культурной дипломатии, а тем, что в советском эксперименте зарубежные посетители видели ответ на проблемы западного общества.

Ключевые слова: Советский Союз; западные интеллектуалы; индустриализация; первая пятилетка; ВОКС; Теодор Драйзер; Бернард Шоу; Леон Фейхтвангер.

ЗАХОДНІЯ ІНТЭЛЕКТУАЛЫ Ё САВЕЦКІМ САЮЗЕ Ё КАНЦЫ 1920-х – 1930-я гг.

М. А. Шабасова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
shabasovamarina@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца гісторыя наведвання Савецкага Саюза замежнікамі ў 1920–1930-я гг. Прыводзіцца класіфікацыя замежных візіцёраў. Адмысловая ўвага надаецца заходнім інтэлектуалам, якія карысталіся рэпутацыяй «спадарожнікаў» СССР. Аўтар прыходзіць да высновы, што добразычлівыя адносіны замежнікаў былі абумоўлены не поспехамі савецкай культурнай дыпламатыі, а тым, што ў савецкім эксперыменце замежныя наведвальнікі бачылі адказ на праблемы заходняга грамадства.

Ключавыя словы: Савецкі Саюз; заходнія інтэлектуалы; індустрыялізацыя; першая пяцігодка; ВОКС; Тэадор Драйзер; Бярнард Шоу; Лявон Фейхтвангер.

WESTERN INTELLECTUALS IN THE SOVIET UNION IN THE LATE 1920S – 1930S.

M. A. Shabasova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
shabasovamarina@gmail.com*

The article deals with the visits of the foreigners to the Soviet Union in the 1920s–1930s. All visitors are divided into groups. The special attention is paid to the Western intellectuals who were seen as fellow travelers, sympathizers to the Soviet Union. The author concludes that favorable attitude towards the USSR was not a result of the successful cultural diplomacy but that the Soviet experiment the western guests were looking for the answers to the problems of their own societies.

Keywords: Soviet Union; Western intellectuals; industrialization; First Five-Year Plan; VOKS; Theodore Dreiser; George Bernard Shaw; Lion Feuchtwanger.

В 1920-е–1930-е гг. СССР был относительно открытой для въезда страной. В межвоенный период Советский Союз посетили примерно 100 тысяч иностранцев, в среднем около 5 тысяч человек в год [2, с. 77]. Наибольшее количество посетителей наблюдалось в годы первой пятилетки, а в конце 1930-х гг., в условиях развернувшегося террора и подписания пакта о ненападении с Германией, число желающих воочию увидеть успехи советского социализма существенно сократилось [5, с. 77]. Советское руководство не стеснялось той нищеты, которую могли наблюдать иностранные гости. Власти имели все основания утверждать, что с 1917 г. прошло немного времени, Россия им досталась с ужасным наследием царизма – ее вековой отсталостью. Страна Советов могла удивить темпами роста, достижениями в сфере культуры, борьбой с безграмотностью и т. д.

Такой подход находил полное понимание у некоторых западных интеллектуалов. Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию в 1920 г., в своей книге «Россия во мгле» утверждал, что большевики не несут ответственности за царившие вокруг разруху и бедность. Более того, советская власть могла стать «становым хребтом возрождавшейся России» и помочь «вернуться к цивилизации» [9].

С точки зрения цели посещения СССР и условий пребывания, всех иностранцев можно условно разделить на три категории. В первую группу входили те, кто оказался в Советском Союзе в силу профессиональной деятельности. Дипломаты, журналисты, инженеры, квалифицированные рабочие, члены зарубежных компартий имели возможность находиться в стране достаточно долго, пользовались определенной свободой передвижения, а их действия не подлежали мелочной регламентации со стороны советских учреждений. Эти иностранцы имели возможность составить вполне объективное представление о советской действительности. Ко второй группе принадлежали рядовые туристы. В начале 1930-х гг. в зарубежном туризме стали видеть источник дохода. В 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.», предусматривавшее прием 75–80 тыс. туристов в год. Цифра эта достигнута не была, 70 тыс. туристов посетили СССР за всю вторую половину 1930-х гг. [5, с. 76]. Туристы не имели ни времени, ни должной свободы для того, чтобы в полной мере наблюдать неприглядную сторону повседневной жизни в СССР или прочувствовать недостаток прав и свобод, привычных для граждан западных стран. Они находились под опекой созданного в

1929 г. «Интуриста», определявшего маршрут их следования и условия содержания.

Третью категорию иностранцев, посещавших СССР, составляли наиболее значимые гости, мнение которых о стране Советов представляло для властей ценность. В эту группу входили лидеры компартий, рабочие делегации и представители интеллигенции. Т. В. Солоневич, работавшая в 1920-е гг. переводчицей для иностранных делегаций и впоследствии ставшая активным деятелем советской эмиграции, характеризовала положение международной коммунистической элиты следующим образом: «Эта категория иностранцев пользуется в СССР полной свободой (конечно, в пределах, диктуемых коммунизмом). В зависимости от силы, воли и характера, а также внушаемого ими уважения их размещают либо в первоклассной, либо третьеклассной гостинице. Они живут на всем готовом, получают необходимые им суммы, имеют в своем распоряжении автомобили Коминтерна или Профинтерна, словом, катаются как сыр в масле» [8, с. 35]. С особыми почестями также встречали рабочие делегации и их вождей. Эти делегации состояли отчасти в ведении Профинтерна, отчасти ВЦСПС, отчасти Коминтерна. По ироничному описанию Т. В. Солоневич, делегаты становились гостями советской власти, им оплачивались переезды по всему Союзу, их кормили как «на убой», поили коньяками и ликерами, водили в театры, иногда под благовидными предложениями им преподносили подарки [8, с. 33].

Однако самое привилегированное положение среди иностранных посетителей занимали западные интеллектуалы, имевшие вес и влияние у себя дома и в то же время сочувствовавшие советскому эксперименту. Наибольший интерес представляли писатели, в которых видели потенциальный рупор советской пропаганды на Западе. Л. Д. Троцкий пренебрежительно окрестил таких интеллектуалов «попутчиками», хотя ни советское руководство, ни сами интеллектуалы так себя не называли. В СССР на официальном уровне использовалось более уважительное выражение «друзья Советского Союза» [4, с. 347].

Условия, на которых западные интеллектуалы посещали СССР, способствовали формированию у них «правильного» мнения о стране. Даже в годы Гражданской войны на шикарный прием именитых иностранцев изыскивались средства. Б. Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 г. в составе британской лейбористской делегации, вспоминал, что он и его спутники путешествовали в шикарном поезде, который на станциях встречал великолепный оркестр, игравший Интернационал, а на различные

мероприятия, митинги, банкеты и парады не жалели никаких средств [5, с. 78]. Серьезно о процедуре приема иностранцев советскому руководству пришлось озаботиться в начале 1920-х гг., когда для борьбы с голодом в Поволжье большевикам пришлось согласиться на открытие своих границ, фактически закрытых с 1917 г. В 1925 г. был создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), до 1929 г. возглавляемое О. Д. Каменевой. В функции ВОКСа входила организация визитов в Советский Союз известных писателей, ученых, общественных деятелей.

Многие гости оправдали ожидания принимающей стороны, оставив положительные отзывы о путешествии в страну Советов или даже написав травелоги, наполненные похвалами в адрес советского руководства, общества и захватывавшего воображение стремительного экономического развития. Поскольку восторженные заметки конца 1920-х – начала 1930-х гг. писались во времена коллективизации, голода, репрессий, то в последующие годы исследователи были склонны преувеличивать как способности советской стороны маскировать реальность, так и наивность западных интеллектуалов. Большую известность получила работа П. Холландера «Политические пилигримы», где автор на множестве примеров демонстрирует недалёковидность западных гостей, превозносивших до небес и советское общество, и советских вождей, и успехи индустриализации [11]. По своей сути критично настроенная по отношению к окружавшей ее реальности западная интеллигенция могла оказаться очень чувствительной к эксперименту, обещающему больше равенства, социальной справедливости, свободы от власти денег, чем капиталистическая система и буржуазная мораль. Надежда на достижение в будущем высших целей помогало не замечать огромного отставания СССР от Запада и терпимо относиться к советскому убогому быту.

Сегодня картина восприятия западным визитером советских реалий представляется гораздо более сложной. Наряду с позитивными описаниями СССР имелось и множество негативных оценок. Помимо этого, даже те, кто в итоге оказал публичную поддержку СССР, часто не были обмануты советским гостеприимством. Положительная характеристика Советского Союза была зачастую вызвана не искренней симпатией к этой стране, а скорее личными обстоятельствами или неприятием реалий западных обществ. Д. Энгерман, изучавший отношение к СССР американских интеллектуалов, писал, что в советском эксперименте американские ученые искали ответы на вопросы социальных наук и американского общества в целом [13, p. 156]. Он утверждал, что интеллектуалы, которых невозможно

было обвинить в невежестве, осознавали все сложности советской действительности, но все равно поддерживали первую пятилетку [13, p. 158]. Это утверждение представляется справедливым и в отношении гостей из Западной Европы. Мы остановимся на трех выдающихся писателях, каждый из которых внес свою лепту в создание положительного имиджа СССР и постараемся показать, что в каждом случае положительный, с точки зрения советской власти, результат был достигнут не столько благодаря успехам советской культурной дипломатии, сколько в силу обстоятельств, контролировать которые ВОКС не имел возможности.

В 1927 г. на празднования десятилетия Октябрьской революции в СССР прибыл американский писатель Т. Драйзер. Для советской власти он оказался особенно ценным гостем, в силу чего великий романист получил финансовую поддержку его двухмесячному путешествию по стране, практически не контролируемого принимающей стороной. Во время этой поездки на свет появился «Русский дневник», по большей части написанный секретарем именитого путешественника Р. Кеннел и отредактированный самим писателем. Дневник отражает замешательство Т. Драйзера от увиденного и пережитого. Измученный плохими бытовыми условиями, бюрократическими препонами и погодой, великий писатель заявлял, что лучше умрет в Америке, чем останется жить в СССР [3, с. 411]. Р. Кеннел, продолжавшая после отъезда Т. Драйзера по инерции делать записи, красочно описала в форме воображаемого к нему обращения настроение гостя при отъезде из СССР: «...скажу, что ты не оставил благодарственного письма госпоже Каменевой, что твое мнение об этих свиньях, вшах и дуболомах, об этой паршивой стране, проклятой Богом, совершенно не изменилось, и что ты полз через границу на четвереньках...» [3, с. 416].

Однако по возвращению в Соединенные Штаты Т. Драйзер опубликовал более симпатизировавший СССР травелог «Драйзер смотрит на Россию», на что, по его собственному признанию, повлияли увиденные им в США хлебные очереди [3, с. 46]. В Великую депрессию он и вовсе стал считать советский пятилетний план образцом для подражания в плане экономического развития и установления социальной справедливости. В ноябре 1931 г. Т. Драйзер возглавил писательскую делегацию, посетившую угледобывающие шахты Кентукки, где был глубоко впечатлен бедственным положением рабочих. Как остроумно заметил исследователь западных интеллектуалов П. Файлин, спустя три года после поездки в СССР Т. Драйзер прибыл к коммунизму через Кентукки [14, p. 189–190].

Несмотря на то, что Т. Драйзер больше не приезжал в Россию, а советские власти так и не опубликовали его травелог, американского романиста все же считали другом Советского Союза. Его вступление в коммунистическую партию США незадолго до смерти позволило советской литературной критике представлять путь великого писателя как преодоление ошибок и заблуждений и движение ко все более полному приятию учения Маркса-Ленина-Сталина [6, с. 65]. Хотя Т. Драйзера, очевидно, гораздо больше заботили «домашние проблемы», а не марксизм и успехи страны «победившего социализма».

Одним из самых преданных апологетов советского эксперимента был ирландский драматург Джордж Бернард Шоу. Еще в молодости он увлекся марксизмом, а впоследствии стал активным членом Фабианского общества, ставившего своей целью мирное и последовательное перерастание капиталистической системы в социалистическую. Б. Шоу любил публично эпатировать публику острыми высказываниями в поддержку социализма и революционной России, очень критично относясь к западному обществу, в котором ему приходилось жить. Всемирно признанный драматург любил хвастаться, что он стал марксистом раньше Ленина, верил в равенство людей, в том числе и имущественное, и восхищался сильной личностью, «людьми действия», к которым он, несомненно, относил и большевистских лидеров. Неудивительно, что с такими взглядами и настроениями Б. Шоу был в 1931 г. приглашен в Советский Союз, где он должен был отпраздновать свое семидесятипятое юбилейное. Накануне своего визита в СССР в 1931 г. писатель стал все чаще именовать себя фабианцем-коммунистом или просто коммунистом [4, с. 353].

Сегодня сложно сказать, что именно предопределило положительное отношение Б. Шоу к советскому эксперименту. Можно предположить, что немаловажное значение имело то, что, начиная с Октябрьского переворота 1917 г., великий драматург сочувственно относился к советской власти и во время своего визита в страну искал подтверждения тому, в чем и так был убежден или во что хотел верить. Истоки его симпатии к СССР скрывались не в достоинствах советского опыта построения социализма, а в неприятии некоторых черт собственного общества, западных политической и экономической систем, особенно с учетом трудностей, порожденных Великой депрессией.

Помимо мировоззренческих моментов были, очевидно, и личные факторы, делавшие Б. Шоу уязвимым к воздействию советской пропаганды. В Советском Союзе великий драматург и лауреат Нобелевской

премии мог получить то, чего ему так не хватало дома, а именно признание не только литературного таланта, но и политических взглядов. Он рассчитывал, что в конце концов его взгляды, недооцененные в Великобритании, будут приняты всерьез и смогут повлиять на развитие СССР. Б. Шоу неизменно пытался подчеркнуть, насколько верными и, главное, услышанными были его слова. И хотя высказывания о собственном влиянии на ход мировой истории звучали довольно комично и скорее подтверждали шутовское амплуа ирландского драматурга, чем создавали имидж серьезного мыслителя и политика, в гротескных репликах Б. Шоу явственно слышались неудовлетворенные амбиции.

Рассуждая о Первой мировой войне, Б. Шоу заявил: «Некоторые из вас злились тогда на меня за то, что я пытаюсь подходить к войне с точки зрения здравого смысла, в то время как предмет этот связан с понятиями славы, патриотизма и не имеет ничего общего со здравым смыслом... Однако в 1917 году произошла удивительная штука. Русские солдаты вняли моему совету. Они сказали: “Хватит с нас этого, и отправились по домам”» [12, с. 196–197]. Годы спустя после своего визита в Советский Союз он хвастал тем, что советские лидеры уже сделались «последовательными фабианцами и скоро станут полноценными последователями Б. Шоу. В своих позднейших работах драматург даже называл И. В. Сталина фабианцем [4, с. 353]. В 1936 г. Б. Шоу направил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому письмо, где давал достаточно подробные рекомендации по усовершенствованию только что принятой Конституции и сетовал на то, что Сталин, очевидно, не прочитал его пьесу «Майор Барбара», знакомство с которой позволило бы избежать некоторых ошибок при составлении Основного Закона [1].

В весьма апологетичной биографии Б. Шоу, написанной Х. Пирстоном и отредактированной самим драматургом, утверждалось, что решение о поездке в СССР принималось едва ли не спонтанно. Якобы одним прекрасным летним днем к Б. Шоу заехал маркиз Лотиан, предложивший ему посетить Советский Союз в его собственной компании, а также в компании лорда и леди Астор. Легкий на подъем Б. Шоу немедленно упаковал вещи и отправился в путешествие [7, с. 397–398]. На самом деле десятидневный визит Б. Шоу и его титулованных спутников в СССР, состоявшийся 21–31 июля 1931 г., тщательно планировался в течение года и был скрупулезно организован.

Б. Шоу увидел практически только то, что советская сторона пожелала ему показать. Он долго стоял над телом Ленина в Мавзолее, в

сопровождении наркома иностранных дел М. М. Литвинова посетил стандартный пункт следования именитых иностранцев – Большевскую коммуну, встретился с М. Горьким и К. Станиславским, осмотрел цеха Московского электростроительного завода и сокровища алмазного фонда СССР. Кульминацией визита Б. Шоу стало организованное ВОКСом празднование его дня рождения в Колонном зале Дома Союзов. Для ирландского драматурга специально была организована поездка в показательный колхоз имени Ленина в Тамбовской области. Сохранилась видеозапись посещения Б. Шоу этого колхоза, на которой видно, что гостей встречают опрятно одетые колхозники, вокруг бегают здоровые ребяташки, а обеденный стол щедро уставлен едой и напитками. Сверх всего британцы удостоились встречи со Сталиным, которая продлилась более двух часов и не могла не польстить самолюбию гостей.

При таком теплом приеме и спланированной программе посещения встает вопрос, могли ли гости рассмотреть действительность или хотя бы заподозрить, что обманывают. На наш взгляд, безусловно, могли, если бы не их желание принять желаемое за действительное. На Западе ходили слухи, что Советы показывают иностранцам «потемкинские деревни», а некоторые моменты во время путешествия могли бы, по крайней мере, показаться сомнительными более бесстрастным и скептически настроенным посетителям.

Еще одним иностранным гостем, оставившим крайне положительные воспоминания о СССР, был немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Его травелог «Москва 1937» стала одним из примеров наивного восприятия иностранцами советской действительности и демонстрацией успеха культурной дипломатии. На самом деле Л. Фейхтвангер не был ни слеп, ни наивен. Еще до приезда в СССР его мучили сомнения, многие из которых подтвердились уже в Москве. В частности, знаменитый писатель был возмущен отсутствием в Советском Союзе свободы слова и жесткой цензурой, критиковал «культ» Сталина, свысока смотрел на русскую культуру, и, сверх всего, был крайне недоволен бытовыми условиями. Гид-переводчик Дора Каравкина, работавшая с Л. Фейхтвангером, в своих отчетах отмечала, что каждое утро начиналось с жалоб гостя на окружавший его дискомфорт, плохой гостиничный сервис, задержку почты и т. д. Просьбы внести правки в уже написанные статьи приводили к скандалам, и зарубежную знаменитость едва удавалось успокоить. Л. Фейхтвангер, очевидно, не особенно верил советским чиновникам, пытавшимся объяснить неприятные советские реалии [4, с. 456–457].

Однако, вернувшись домой, он все же написал весьма апологетичную книгу, которая вскоре была издана и в Советском Союзе. Через всю первую главу травелога лейтмотивом проходит тема счастья в СССР. Так, Л. Фейхтвангер утверждал: «... в Советском Союзе все люди, с которыми я сталкивался – притом и случайные собеседники, которые ни в коем случае не могли быть подготовлены к разговору со мной, – хотя иной раз и критиковали отдельные недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом. Да, весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того – счастьем» [10, с. 9]. Всеобщую удовлетворенность Л. Фейхтвангер объяснял тем, что плановая экономика и вся государственная структура компенсировали личные неудобства, а сравнение прошлого и настоящего заставляли забывать о сиюминутных лишениях [10, с. 12]. В итоге писатель пришел к выводу, что, хотя средний гражданин в СССР пока еще живет хуже, чем средний гражданин в некоторых других странах, он более доволен своей судьбой и чувствует себя более счастливым [10, с. 24].

Счастлива была советская молодежь, которая сорвала первые плоды советской системы образования и сейчас уверенно стоит в жизни, чувствуя, себя частью мудрого целого. Счастлива крестьянская и рабочая интеллигенция, которая получила доступ к знаниям, о котором западная молодежь из беднейших слоев общества не могла и мечтать [10, с. 16–17]. Карикатурно выглядело описание крестьянской жизни. Л. Фейхтвангер писал, что именно крестьяне наиболее остро почувствовали разницу между беспросветным темным прошлым царских времен и счастливым настоящим. В СССР они эффективно вели сельское хозяйство, имели обильную еду, одежду, кино, радио, театры, газеты, научились читать и писать [10, с. 13–14]. Л. Фейхтвангер пожертвовал исторической истиной из-за антифашистской позиции Советского Союза. Отвращение к фашизму оказалось сильнее, чем неприятие советских недостатков. И писатель стал одним из самых известных «попутчиков» советского режима.

Хотя Советский Союз прилагал значительные усилия, чтобы получить поддержку западных интеллектуалов и тратил большие средства на создание положительного образа страны, потенциал советской культурной дипломатии все же оставался ограниченным. Никакими усилиями нельзя было скрыть от желающих докопаться до истины ни экономической отсталости СССР, ни убогости быта, ни социальных проблем, ни отсутствия демократических прав и свобод. Однако многие зарубежные гости интересовались не столько истиной, сколько искали в СССР ответы на

проблемы их собственных обществ, трактуя испытания, выпавшие на долю советского народа, как плату за стремительную модернизацию страны.

Библиографические ссылки

1. Б. Шоу – И. М. Майскому [Электронный ресурс] // Хронос. – Режим доступа: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/19361116may.php. – Дата доступа: 09.11.2023.
2. Голубев А. В. Взгляд на землю обетованную: из истории советской культурной дипломатии. М.: Институт российской истории РАН, 2004.
3. Драйзер Т. Русский дневник. М.: Эксмо, 2018.
4. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
5. Куликова Г. Б. Старый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х гг. глазами западных интеллектуалов. М.: Институт российской истории РАН, 2013.
6. Панова О. Ю., Панов С. И. «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник Университета Российской академии образования. № 4. 2015. С. 61–67.
7. Пирстон Х. Бернارد Шоу. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997.
8. Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. Три года в Берлинском торгпредстве. 1928–1930. М.: Центрполиграф, 2018.
9. Уэллс Г. Россия во мгле [Электронный ресурс] / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFAANT/UELS/russia.txt>. – Режим доступа: 11.09.2023.
10. Фейхтвангер Л. М. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература, 1937.
11. Холландер П. Политические пилигримы. М.: Лань, 2001.
12. Хьюз Э. Бернارد Шоу. М.: Молодая гвардия, 1966.
13. Engerman D. C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Harvard University Press, 2004.
14. Filene P. G. Americans and the Soviet Experiment. Harvard University Press, 1967.